

ПИСЬМО ИЗЪ БОЛГАРИИ.

ОДЪ НАШЕГО ПОСТОЯННАГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Въ Центръ общественного внимания стоитъ сейчасъ судебное разслѣдованіе коммунистической дѣятельности въ Болгаріи. То, что открылось во валахъ судебныхъ учреждений, могло бы, наконецъ, заставить привадуматься о коммунистической опасности и тѣхъ, для кого она является лишь «мнимой». Болгарскому правительству стоило бы только представить протоколы судебныхъ заведеній тѣмъ, кто подсчитываетъ число пистолетовъ и шашекъ въ этой несчастной странѣ, и эти своеобразные охранители устойчивости на Балканахъ могли бы убедиться, что атакующіе болгарскую государственность коммунисты, какъ вооруженная сила, превосходящая атакующему ими власть.

Количество процессовъ и численность участниковъ таковы, что требуются мѣсяцы непрерывнаго судопроизводства. Нѣтъ такого округа города, гдѣ бы нѣсколько процессовъ не ждало своей очереди, и всѣ процессы въ своемъ образѣ представляютъ тотъ интересъ, что проливаютъ яркий свѣтъ на коммунистическую атаку на Болгарію.

Если обратиться къ столичной группѣ процессовъ, то непосредственно послѣ суда надъ шайкой, взорвавшей храмъ и похоронившей нѣсколько лучшихъ представителей болгарскаго офицерства и правящей среды, начался процессъ надъ ближайшими сотрудниками и укрывателями шайки. И здѣсь обнаруживается, что подлинныя организаторы злодѣйства эксплуатируютъ для своихъ цѣлей самую интимную чувствительность и отношения тѣхъ, кто имѣли несчастье оказаться близкими имъ. Въ этомъ смыслѣ особенно характерна исторія г-жи Адельи Николовой. Вдова виднаго болгарскаго промышленника и банкира, человека преданнаго своей родинѣ и оставившаго значительную часть своего состоянія Академіи Наукъ для выдачи премій за лучшую работу по болгарской экономикѣ, А. Николова входила въ составъ интеллигентскаго и даже крупнаго буржуазнаго общества Софіи. Она жлетъ теперь кары за укрывательство тѣхъ, кто динамитомъ создалъ социалистическій рай въ Болгаріи. Что же могло толкнуть въ эту шайку А. Николову? Она имѣла несчастье быть въ близкихъ отношеніяхъ уже во время войны провинившемуся своему коммунистическому существу.

Не только женщины, — дѣти и подростки, вовлечены въ коммунистическую сѣть. Слѣдующій послѣ дѣла объ укрывателяхъ процессъ въ Софіи касается 35 участниковъ коммунистическаго союза молодежи. Много страннаго обнаружилъ этотъ процессъ. Впрочемъ, уже до послѣднихъ грозныхъ событий, суды надъ пятерками и тройками коммунистическаго союза молодежи показали, что большевики воскресли среди дѣтей страшнѣйшихъ традицій нигилизма и создали чистую нечестивину. Такъ, напримеръ, осенью истекшаго года въ Варненской тюрьмѣ былъ звѣрски убитъ одинъ изъ членовъ коммунистическаго союза своимъ товарищемъ по заключенію и близкимъ другомъ убитаго. Оба — юноши 17-19 лѣтъ, убитый — ученикъ гимназіи, убитая — только что окончившая коммерческое училище. Убийца задушил своего спящаго товарища ночью полупотемнѣвшимъ, а для вѣнчанія вѣрности выпалъ въ уста удушеннаго ядъ. Расправа вызвана была тѣмъ, что убитый слишкомъ подробно освѣщала организацию и дѣятельность группы передъ судьбою — слѣдственными властями Неслыханныя проявленія злѣвства среди дѣтей не могутъ быть вынесены на счетъ индивидуальныхъ особенностей даннаго случая. Наоборотъ: это — система. Это подтверждаютъ слѣдственные данныя, напримеръ, Тирнопольской гимназической конспиративной группы, гдѣ гимназисты, цѣлуя револьверъ, дають слѣдующую, воспроизводимую нами текстуально, клятву:

«Клянемся именемъ товарищеской вѣрности, именемъ всѣхъ революціонныхъ законовъ, что окажемъ полную интеллектуальную и моральную поддержку достиженію революціи и неспровоженію существующаго строя, что не выдаными ничемъ изъ дѣятельности организации. Въ противномъ случаѣ каждый изъ насъ отвѣтитъ собственной головой.

И порывы женскаго сердца и романтизмъ дѣтскихъ головъ обильно слабируются подкупомъ: щедро льется русское золото, организуя революцію на началахъ коммерческаго предпріятія. Революціонная агентура рыщетъ въ поискахъ морально — слабыхъ, духовно — неустойчивыхъ, отыскиваетъ падкихъ до легкой шайки, подкупаетъ ихъ знаніями или поручаетъ имъ легкія информационныя задания и послѣдовательно включаетъ ихъ въ общую, широко развитую революціонную сѣть. Роли строго распределены: одни, подъ покровомъ ночи и дремучихъ лѣсовъ, бьютъ кистенемъ несчастныхъ путниковъ; другіе фабрикують смертоносныя яды и разрутительныя вещества; иные скрываютъ людей и военные материалы, иные приказываютъ этимъ скрывающимся до поры до времени субъектамъ выйти на работу; убитъ тѣхъ, кто всю свою жизнь отдалъ несчастной отчизнѣ или взорвать храмъ, правительственное или общественное учрежденіе, мостъ и т. д.

Всякій безпристрастный наблюдатель судебного дѣйства способенъ прийти въ отчаяніе, сопоставляя съ одной стороны неограниченныя возможности финансируемой и снабжаемой извнѣ революціи, а съ другой стороны также извнѣ ограничиваемыя средства обороны болгарскаго государственности. Третій интернационалъ атакующе Болгарію, насылая на нее злоумышленниковъ, во всеоружіи денегъ и всѣхъ средствъ современной Болгаріи тѣмъ же кошелькомъ выннши силы не даютъ болгарскимъ патриотамъ средствъ самозащиты въ руки.

Болгарскіе патриоты знаютъ, что помощи ждать неоткуда, что въ непосильной борьбѣ они одни, и это сознание свѣтитъ въ очахъ всѣхъ сознательныхъ гражданъ мрачной рѣшимостью погибнуть но не предать отечество. Именно такъ формулировалъ окровавленный министръ — председатель перелъ Народныхъ Собраніемъ духовное состояние всего вѣрнаго отечеству населенія: «мы погибнемъ въ этой борьбѣ, но Болгарію не выданымъ».

Софія. Н. Николаевскій

ПРИГОВОРЫ ВЪ СОФІИ

Софія, 4 июня.

Кассационный судъ отвергъ жалобы Перчемлева, Лежъ и г-жи Лежъ и утвердилъ приговоръ военнаго суда, согласно которому Перчемлевъ и Лежъ подлежатъ публичной смертной казни, а г-жа Лежъ пожизненному заключенію. Двое другихъ осужденныхъ, г-жа Николова (приговоренная къ смерти) и Малъ (осужденный на полтора года тюрьмы) вообще не подавали кассационныхъ жалобъ.

СРЕДИ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

«Новое время» полемизируетъ съ «Днями» пишетъ:

«Дни» уже прямо дуть и передергиваютъ, увѣряя, что мы «упорно стоимъ на позиціи: тѣмъ хуже, тѣмъ лучше...» Этой лжи и опровергать нечего: она сама за себя говоритъ. Приписываютъ намъ то, что несомненно принадлежить имъ. Мы никогда не говорили и не говоримъ: «непримѣнно монархизмъ». Мы монархизмъ, но прежде всего мы русскіе люди, мы плоть отъ плоти, кость отъ кости русскаго народа, и прежде всего мы имъ дороги. Какъ онъ рѣшилъ — такъ пусть и будетъ. А эта позиція и эти замислы какъ разъ нашихъ социалистовъ. «Тѣмъ хуже — тѣмъ лучше» — это «всеслашій, ихъ исконный лозунгъ».

Мы предочилю бы въ тотъ моментъ бросить нашъ простой и прямой вопросъ: если бы «Днями» пришлось выбирать между разгнѣваннымъ переворотомъ въ пользу монархіи или тигучимъ и безконечнымъ процессомъ такъ называемой «эволюціи» большевизма, что бы они предочили?

Французская печать очень различно восприняла инцидентъ, ознаменовавшій торжественное открытіе совѣтскаго павильона на декоративной выставкѣ. Нѣкоторыя газеты, какъ напримеръ: Matin, Le Journal, Quotidien отгнѣиваютъ съ различными отгнѣиваніями ироніи очередной скандалъ, не придавая ему принципиальнаго значенія. Другія газеты вообще не замѣтили никакого инцидента. Среди такихъ газетъ мы должны, рядомъ съ Humanité указать L'avenir.

Humanité говоритъ о «наглости отгнѣивать де Монзи Красину, о нѣсколькихъ «глупостяхъ» сказанныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, о дружеской манифестаціи тысячной толпы, отгнѣивающей съ пѣніемъ Интернационала конгрессъ макифтантовъ. Но факта демонстративнаго ухода представителя французскаго правительства газета не замѣтила. Повидимому, случайно органъ Мильерана тоже ничего не замѣтилъ и ограничился изложениемъ, безъ всякихъ комментариевъ, рѣчей Красина и де Монзи. Нѣкоторыя газеты снабдили описание инцидента ком-

ментаріями. Такъ L'Echo de Paris пишетъ:

Инцидентъ характеренъ тѣмъ, что по-казываетъ лихорадку, если это еще ужасно, въ какой мѣрѣ обоснованы опасенія по поводу коммунистическаго прои-танды во Франціи даже примѣнительно къ самымъ официальнымъ церемоніямъ.

Нѣсколько иначе подходитъ къ вопросу Моррассъ въ Action Française, усматривая въ цѣломъ основаніемъ въ инцидентѣ оскорбленіе національнаго чувства. Подъ заголовкомъ «Совѣтскіе и патрїоты» онъ пишетъ между прочимъ слѣдующее:

Въ официальномъ текстѣ рѣчи г. де Монзи можно прочесть нѣкоторые подра-зубаемые предостереженіе, которое да-ется правительствомъ Парижа на случай ввоза московской смуты. Отвѣтъ не за-ставилъ себя ждать. Онъ возникъ тутъ же: не успѣвъ представить нашего пра-вительства слѣдуетъ двѣнадцать шаговъ въ толпѣ, какъ онъ замѣтилъ, что она его задела и захватила. Государство, кото-рое было бы хозяиномъ у себя, выпро-силось бы назойливымъ захватчикомъ. Тутъ французъ долженъ былъ уйти... Другой фактъ долженъ быть еще отмѣ-ченъ: слабость реакціи французской толпы. Противъ сотни разноязычныхъ коммунистовъ, оглашающихъ воздухъ ре-волюціонными возгласами, было около 500 французовъ и французокъ — они отгнѣивали пять или шесть бѣднѣйшихъ и слабыми «да здравствуетъ Франція».

«Послѣдніе Новостямъ» не даетъ пока наша формула «либеральній консерватизмъ». А Кулишеръ по поводу рѣчи Зиповьева пишетъ:

Теперь онъ согласенъ и на политиче-скій уступки: «руководство крестьян-ства «протариатовъ» должно быть по его опредѣленію «неизмѣнно твердымъ, но все болѣе мягкимъ». Поистинѣ, классиче-ская фраза, еще превосходная «либе-ральная консерватизмъ».

Мы все таки по терпѣе надежда, что «Послѣдніе Новостямъ», придя въ себя отъ неожиданности, не ограничатся беззвуч-ными и безмысленными выпадами, а по-пытаются вдуматься въ послаленную на-ми проблему по существу.

СОВѢТСКАЯ РОССІЯ.

Новая капитуляція.

Послѣднія книги Совѣтскихъ педагогическихъ журналовъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Какъ извѣстно, одной изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ больше-визмъ имѣетъ въ виду достиженіе всеобщаго равенства. Работая не покладая руки. Историю масу средствъ Революціи получившихъ такія, что сейчасъ встревожились даже совѣтскіе верхи. Особенно яркія факты обнаруживаются на «фронтѣ» борьбы съ дѣтской безпризорностью. Официальный органъ Комиссаріата Народнаго Просвѣщенія опубликовалъ рядъ докладовъ и матеріаловъ 2-го Всероссийскаго Съезда социаль-но-правовой охраны несовершеннолѣтнихъ, работавшаго въ Москвѣ съ 26 ноября по 1 декабря 1924 (см. жур. Народное Просвѣщеніе, Москва 1925г.). Интересенъ, прежде всего составъ съезда. 62 проп-дегатовъ съ мѣстъ имѣли мужество зар-егистрироваться безпартийными, партий-ная принадлежность 8 проц. «не выясне-на» и только 21 проц. были коммуниста-ми. На съѣздѣ выслушано, что отъ 30 до 40 проц. всего бюджета по народному обра-зованію тратится на борьбу съ дѣтской безпризорностью. Съѣздъ подвергъ суро-вой критикѣ все сдѣланное до сихъ поръ, признавъ, что безпризорность продол-жаетъ увеличиваться. Съѣздъ одобрилъ ор-ганизацию трудовой помощи, признавъ цѣлесообразность помощи на дому, пат-ронажа, рѣшилъ считаться съ потребно-стями рынка. Короче отгнѣвилъ все, что было сдѣлано въ 1918-22 г. и вернулся къ старымъ, дореволюціоннымъ методамъ. На съѣздѣ впервые приоткрылась завѣса,

мѣстахъ. Рядъ докладчиковъ заговорилъ о совѣтской общественности. Начала издавать: «наша задача организовать об-щественность для помощи дѣтству». «Мы должны использовать и направить обще-ственной мысли» и т. д. Обзоръ матеріа-ловъ не мѣетъ рисуетъ такую картину.

Безпризорность приняла форму, направ-ляя ее поздно — она уже руководитъ, ис-пользовать трудно, ибо матеріально она не зависитъ отъ органовъ власти. Ока-зывается, что съ осени 1924 г. на мѣ-стахъ возникла «О-ва Помощи Дѣтямъ».

Какъ эта «совѣтская» общественность взаимодействуетъ съ властью. Въ Петро-градѣ штатныхъ работниковъ социальной инспекціи нѣтъ совершенно, всю работу по обследованію выполняютъ работни-ки совѣтской общественности. Студенче-ство г. Москвы ведетъ всю работу съ без-призорными въ улицъ, организуетъ тру-довые колоніи, ведетъ работу въ клубахъ. Въ Смѣтѣ работу въ ночлежкахъ ведутъ Студенты ВУЗ-овъ. Въ Смоленской т. къ работѣ привлечены Студенты У-та и т. д.

Что это все значить? Думается процесъ довольно ясенъ. Хозяева — коммуни-сты и Комсомоль — ретроградны, какъ только центръ сократилъ кредиты. Дѣт-ское горе принимаетъ интеллигентную мо-лодежь, ремесленниковъ и крестьянъ. Не совѣтская общественность дѣлаетъ сейчасъ попытку вилотную подойти къ гибну-щей молодежи. Кое гдѣ это уже удалось. Начинается какал-то подлинная работа по спасенію дѣтей. Дастъ ли она въ усло-віяхъ коммунистическаго гнета, какіе ли будъ положительныя результаты?

Валерій Левитскій

По селамъ и всямъ.

Въ «Правдѣ» Сосновскій, давно уже специализировавшійся на разоблаченіяхъ всяческихъ неурядковъ въ ихъ совѣтско-берьер-физикахъ, въ своихъ доносахъ не щадишь рядовыхъ и спальныхъ коммуни-стовъ, теперь разоблачаетъ подлинную картину того, что представляетъ собой русская деревня.

Очередной фельетонъ его въ «Правдѣ» посвященъ деревнѣ Родительской Кур-ской губ., Золотухинской волости, въ при-мѣніи проводимымъ въ настоящее время разслѣдованіемъ дѣятельности Золоту-ханскаго исполкома. Поводомъ же къ раз-слѣдованію послужили факты сожженія крестьянами означенной деревни избы — читальни и нападеніе на ближайшій ху-торъ, на которомъ жилъ главный органи-заторъ коммунизма въ этой мѣстности нѣ-кій товарищ по фамиліи Блѣвевъ.

Вотъ, что повѣствуетъ объ этомъ Сосновскій:

«Въ торжественный день открытія избы — читальни на нее были совершены дѣйны на-паденія. Рядомъ портреты вождей, были организованы, разогнаны угрозы, перебиты. И разосланы доклады. Выпущены разго-ма были арестованы и отправлены въ Кур-скую тюрьму. Но арестовано было нѣсколько членовъ. А оставшіеся на волю стали угро-ми подкупомъ, клеветой подготавливать по-казанія судьямъ и въ полку арестованныхъ. Выпущенные ареста сумели вернуть напасты. Учителю коммунистическую рѣшили выстав-ить зеркала, для чего стали собирать поли-сы. Запугали ее на смерть разными дикими выходящими вплоть до стрельбы по почтамъ. Стали распускать разные темные слухи... Все пользовались данней тяжкой деревни Роди-тельской съ небольшимъ хуторомъ Бурне-вымъ, изъ-за рощи и пастбища, учинили опять дикій набѣгъ на хуторъ (тамъ жи-вотъ родители коммуниста Бѣвелева). Во-лостные работники во всемъ этомъ ведутъ се-бя очень странно, если не поодирительно...»

И тутъ же поясненія изъ того состоитъ эти мѣстныя деревенскія власти, выбран-ныя крестьянами:

«Председатель Совѣта — Федоръ Кондра-товъ, бывшій полиційскій. Секретарь сельсо-вета — Степанъ Кондратовъ, сынъ жанарма. А за ихъ стѣной вѣсьмъ руководилъ Андрей Кондратовъ, бывшій жанармъ, смѣи съ дѣ-вующій въ законахъ человекъ. Къ этимъ тремъ прибавимъ еще Кузьму Кондратовъ. При бѣгахъ (во время пребывания здѣсь Де-нина) онъ былъ старостой, выдавалъ бѣ-днымъ семьямъ коммунистовъ. При красныхъ пролѣзъ одно время председателемъ сельсо-вета, потомъ членомъ совѣта. Затѣмъ имѣлъ братья Василій, Николай, и Семѣнъ... Василій — слезъ по писанію прошеній, имъ, напоми-нающій старому волостному писарю. У нихъ есть мельница, крупное хозяйство и эконо-мическая власть надъ бѣдой... Къ династіи Кондратовыхъ надо еще присоединить Сте-пана Васильевича и Андрея... Гроза деревни. Не разогнаны съ оружіемъ. Имѣютъ жилье на отагѣ. Иванъ Степановъ уинилъ разгонъ организации комсомола, когда ее пытались здѣсь организовать раньше.

Этой характеристикѣ отдѣльныхъ лицъ (Основной) предисловіемъ характеристику этой деревни Родительской въ цѣломъ. Вотъ онъ:

«Темная, нищая, льная безпулая. Все во власти кулака мѣрловъ и темныхъ личнос-тей. Какъ рожь подъ вѣтромъ, такъ и дере-вня Родительская подъ властной рукой кула-ковъ гонимая изъ стороны въ сторону, не попадая на правильную совѣтскую дорогу. Уже 8 лѣтъ минуло послѣ октября, а въ дере-внѣ Родительской все еще древней «Ру-сью пахнетъ».

И тутъ же обобщеніе:

«Такова не одна деревня, а вся страна на-ша, страна Родительская».

Въ этомъ же номерѣ «Правды» (30 мая) нѣсколько критическѣ замѣтокъ:

Еще въ 1922 году семидеять селеній Старо Рѣчницкой волости Валуйск. у. Новогородской губ. рѣшили провести земледустройство, да такъ до сихъ поръ и не могутъ его провести Кулаки бывшихъ собственниковъ всячески мѣ-шаютъ имъ въ этомъ. Обжаловали постанов-леніе и добились того, что дѣло о земледу-роствѣ до сихъ поръ гуляетъ изъ волости въ уѣздъ, изъ уѣзда въ губернію и обратно въ с. Гришино, Артемовскаго округа. До-являсь г. губ. выслесили на хутора группы за-житочныхъ крестьянъ, захвативъ себѣ участ-ки за 15 верстъ.

Въ с. Старое Павшино, Александрискаго уѣзда Тульской губ. тѣ крестьяне, которымъ не-желательно передать земледуство, но у нихъ есть инши, проваляли на собораніи вопросъ о переходѣ къ четырехполью...»

L.

Мертвый городъ.

Письмо изъ Киева

Давнымъ побурѣвшимъ отъ непого-ды, постарѣвшимъ и осудившимъ де-ревянный сарай — Киевскій «временный» вокзалъ, стоящій уже безмыслию пят-надцать лѣтъ, пустой и неуютный — это визитная карточка нынѣшняго Киева для прибывающихъ сюда изъ шумной, жи-вающей бурной и торопливой жизнью «неонолѣ» нынѣшней Москвы.

Мертвый городъ — городъ полумер-твыхъ, всего боящихся и тяжело бор-ющихся съ жизнью, людей, городъ разва-лившись задній, разбитыхъ мостовыхъ дребезжающаго, давно не ремонтировав-шагоса трамвая, глубоко провинціаль-ныхъ интересовъ и мушкетерной тягуче-ей, беспросвѣтной безработицы.

О, эта безработица! — Въ нынѣшней жизни киевлянъ она самый ужасный крестъ. Послѣ того, какъ, поелемъ вынѣш-нихъ властей Малороссіи, Киевъ нѣтъ крупнаго центра културной, промыс-ленной и политической жизни нѣлаго края былъ свеленъ на уровень чегото-то вродѣ Конотопъ, Лохвицы или Глухова, сократилось до минимума количество учреждений, военныхъ коммунистовъ вы-бросилъ на улицу тысячи служащихъ въ промышленныхъ учрежденияхъ, пер-вый «изъясъ» дъ Архисколько ухудшилъ положеніе, но неаолого, и теперь уже киевляне не связываютъ никакикъ на-деждъ и съ «неонолѣмъ». Упало настро-еніе, потребности сократились до мини-мума, торговля идетъ только събѣсными припасами, и это въ особенности обра-жается на матеріальномъ положеніи тѣхъ, кому приходится жить продажей вещей (а такихъ въ Киевѣ, если не болѣ-шинство, то по меньшей мѣрѣ полови-на!). Вещей теперь никто не покупаетъ, а если и покупаетъ, то за гроши, такъ что продажа вещей теперь не можетъ улучшить положенія безработныхъ. За гарнитуру мебели теперь, напримеръ, даютъ... 20 рублей!

Этотъ застой обрѣкаетъ многихъ на медленную смерть отъ голода, отъ исто-щенія. И люди умираютъ, какъ-то без-ропотно, съ безнадежнымъ отчаяніемъ, съ сознаніемъ необходимости такого ком-ца.

Единственный заработокъ, являю-щийся въ настоящее время наиболѣе вы-годнымъ въ Киевѣ... это уроки украин-скаго языка!..

Къ 1 января 1926 года во всѣхъ пра-вительственныхъ учрежденияхъ (а развѣ существовать теперь учрежденіемъ не-правительственнымъ?) приказано перейти на украинскій языкъ не только въ перепискѣ, но и «во внутреннемъ общеніи». Пе-смотря на украинизацію — Киевъ, какъ и былъ, такъ и остался русскимъ, и по-этому можно себѣ представить паньку, которая возникла среди служащихъ, ко-гда приказъ объ украинизаціи получилъ окончательную и воплотъ категориче-скую форму. Потерять мѣсто теперь — это значитъ лишиться всего, и поэтому киевляне скрѣпя сердце и сжимая зубы «учатся украинскому языку» у «укра-инскихъ учителей». Плата за эти уроки-содяная, такъ какъ это теперь един-ственный ходкій въ Киевѣ товаръ.

Пожалуй, единственное мѣсто въ Ки-евѣ, гдѣ царитъ неподдающее оживленіе — это на Днѣпрѣ, у Цѣпного Моста.

Слѣпнотю заканчивается его восстановле-ніе. Всѣ черныя работы уже произве-дены, и Киевъ снова соединится со Сло-божанью. Возстановленіе моста, взорван-наго во время отступленія изъ Киева по-ложивъ, было объявлено «ударной» за-дачей. На постройку Цѣпного моста бы-ли ассигнованы значительныя суммы, давшая возможность нанять около полу-торы тысячи рабочихъ и вести пере-стройку въ темпѣ довоеннаго времени. Пренжій контуръ Цѣпного моста сохра-

только спрашивается, и ни одному отбѣ-ту не вѣрять, во всемъ и во вся подовѣ-ваетъ брехню.

И физически больно отъ отращенія къ нему, къ его толстымъ аяжкамъ въ то-стоимъ видимъ какъ, къ его самоуверен-ной мордѣ, къ его телачамъ рѣвничамъ, къ молоку отъ нажавшихъ подсолну-ховъ на молодыхъ, животно — первобыт-ныхъ губахъ.

«Россійская исторія» Татищева:

«Брать на брата, сынове противъ от-цевъ, рабы на господѣ, другъ друга ищутъ умерячить единаго ради користованія, похоти и власти, ища братъ брата достоя-нія лишить, не вблудже, яко премудрый глаголетъ: ищи чужаго, о своемъ въ оный день возрыдаешь...»

А сколько дурачковъ убѣждено, что въ Россійской исторіи произошелъ великій сдвигъ къ чему то было бы совершен-но новому, доселѣ небывалому!

Вся бѣда (и страшная), что мы въ сущности даже малѣйшаго понятія о рос-сійской исторіи не имѣемъ.

Ив. Бушнъ

ОКАЯННЫЕ ДНИ.

(Изъ Одесскаго дневника 1919 года)

19 апреля. Прохладный, свѣтлый, веселый день. Но, кажется, въ хороше дни еще хуже въ мірѣ радость, а ты въ моголѣ.

Пошелъ, чтобы хоть чѣмъ нибудь себя разсѣять, дѣлать събитые замаск. Говорятъ, что все закроется, ничего не будетъ. И точно, въ явкахъ, еще не закрывшихся почти ничего нѣтъ, сразу какъ провали-лось все куда-то. Случайно наткнулся въ лавочкѣ на Софійской на кругъ качавка-ла. Купилъ огромный кусокъ. Цѣна дикая — 28 рублей фунтъ.

Вылъ А. М. Федоровъ. Вылъ очень при-ятенъ, жаловался на свое общественное по-ложене. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдній ресурсъ — кто же теперь сниметъ его дачку? Да и нельзя сдавать, она теперь «народное достояніе». Всю жизнь раба-талъ, кое-какъ удалось купить лавочку, возми на Софійской на кругъ качавка-ла. Купилъ огромный кусокъ. Цѣна дикая — 28 рублей фунтъ.

что тамъ будутъ жить выветѣ съ твоей се-мьей, со всей своей жизнью какіе-то «труд-дѣшесъ». Покиньтесь можно отъ ярости!

Весь день, ото всѣхъ, упорный слухъ о жалитъ румянами Тирасполя, о томъ, что Мазеневъ уже въ Черноивцахъ, и даже о паденіи Петрограда. О, какъ явотъ всѣхъ хотятъ вѣст! И все, конечно, враки. Начи-наю подумывать, что обидники сами распускаютъ эти слухи: вѣдь это очень не-плохо — разбиваетъ нервы, укрѣпляетъ нашу бѣднѣтельность и надежду, что за-насъ сдѣлаетъ дѣло кто-нибудь другой.

Вечеромъ съ Ш. въ синатогѣ. Такъ все-жужко и гадко вокругъ, что тынешъ въ це-ряки, въ эти послѣднія убилница еще не за-литыя потопомъ хамства, грязн. звѣрства. Только слишкомъ много было опера, хоро-шо только норово: дико — страстные, по-трясающе — сильные вонли, рыдания, за-которыми плыве вѣка скорби, безприютно-сти, востокъ, дрепность, скитанія и Вди-ный, передъ конемъ можно извнѣ душу то

въ отчаянной, дѣтски — горестной жалобѣ, въ душу хлѣпающей своей крикомъ, то въ мрачномъ почти свѣрбно — грозномъ, все-пожирающемъ ревѣ.

Сейчасъ всѣ дома темны, въ темнотѣ весь городъ, крошъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ эти разбойничьи приюты, — тамъ пылаютъ люстры, слышны балабайки, видны стѣны, увѣшанныя знаменами, часто черными, на которыхъ изображены блѣде черепа съ надписями: «Смерть, смерть буржуазіи!»

— Нишу при поночней кухонной лампочкѣ дожидаю остатк керосину Вотъ и это такъ болно, такъ оскорбително, что хо-чется плакать и руки куеать. Каприйскіе мои приятель, Луначарскіе и Горькые, такъ бѣшено и кричю дѣлова, меня на Капри-чуть не за каждую мою строчку, блестяще-ли русской культуры и искусства, при-ходившіе въ свѣтлицы нѣтъ при каж-домъ предостереженіи какой-нибудь «Но-вой Живни» со стороны «парискихъ оприч-никовъ», что бы въ сдѣлано со мной те-перь, захвативъ меня за затылокъ, преступ-нымъ писаніемъ при вопиющемъ, темномъ канатѣ или на томъ, какъ я буду ворова-ки засовывать это писаніе въ неши карни-за?

На стѣлѣ дневникъ Булгакова «У Тол-стого». Первые слова Толстого кажутся возмутительными. Богъ его спасъ, кажись бы онъ до этихъ дней!

Истали вспоминалось:

Я какъ-то сказалъ ему, желая сказать приятное и даже слегка поддѣваться:

— Всюду возникаютъ эти общества трез-вости... Вотъ и у насъ въ Полтавѣ тоже... Онъ недоволиво перебилъ:

— Какія общества? — Общества трезвости. — То есть это когда собираются, чтобы водки не пить? Вздоръ, вздоръ. Чубы не пить, не зачѣмъ собираться. А ужъ если собираться, то надо пить. Вдѣ вздоръ, ложь. Подумаи дѣвствія видю-сь его...

Вотъ это очень хорошо.

Да, и Толстой въ кое чѣмъ крѣпко вино-валъ. Да и все было хорошо.

Правъ былъ дворяникъ (Москва, осенью 17 года):

— Чтѣ, простите! Нашъ долгъ быть и есть — довести стѣпану то Учредительна-го Собранія...

Дворяникъ, слышавшій у воротъ и слышав-шій эти горчичія слова, — мямо него быстро-нныи въ спораніи, — горестно покачалъ голо-вой:

— До чего въ самомъ дѣлѣ довели, су-нны дѣти!

Это постоянная картина.

— Сперва меньшевики, потомъ грузови-ки, потомъ большевики и броневики...

Грузовики — какими страшнымъ симво-